

МАРЬЯ МАЛМИ

КРЕПЧЕ КРЕПКОГО

Проспал!

— Ну почему вы не разбудили?!

Тимо выскочил в кухню, на ходу впрыгивая в штаны.

— Потому что деревья никуда не убегут, они деревья, - сказал папа и намазал хлеб.

— Сядь, сначала позавтракай нормально, - сказала мама и налила кофе.

Но Тимо уже запихивал ноги в кроссовки. В это воскресенье у них был намечен праздник по случаю Дня объятий с деревьями. День объятий! Тимо год его ждал.

Училка Улла Сорвари объявила, что к 10 утра всех желающих приглашают в заповедный парк в их районе. Организованы напитки и сладкое. Место сбора легко найти по указующим стрелочкам.

По этим стрелочкам Тимо бежал во всю прыть. Вот уже зазвучали голоса, вот уже видна толпа школьников, среди которых маяками высятся учителя.

Тимо спешно здоровался со знакомыми и вертел головой, но все деревья по обе стороны тропинки были заняты. Каждый обнимал свое дерево и так улыбался, что было ясно – здесь не присоседишься.

Тимо тоже хотел поскорее прильнуть к чьему-нибудь стволу, но никак не мог найти подходящее дерево. Свободными стояли елки, но они не подпускали к себе, растопыривали лапы. Елкам Тимо говорил: «дай пять!», задевал за их щекотные ладошки и летел дальше.

Вот же – отличное дерево! Гладкий ствол, ветки не мешают. И почему его все пропустили? Тимо с разбегу прыгнул к нему, обхватил, прижался щекой к шершавому боку. В носу остро запахло лесом, и Тимо даже зажмурился, чтобы не чихнуть.

Он не сразу услышал, что рядом все смеются.

— Глянь, чего наш-то олух опять учудил.

— Выбрал пару по себе, придурок.

— Ага, вот вцепился, не отдерешь.

— Ну-ка тихо! Тимо, Тиимооо, ты ошибся, ну-ка глазки открывай, - запела в ухо училка Улла Сорвари. – Ты обнимаешь не дерево, а столб уличного освещения.

Тимо открыл глаза. Не может такого быть. Вот же, он уперся в него лбом – дерево. И наощупь дерево. И на запах. И на вид.

Тимо поднял голову. Абсолютно гладкий столб до самого верха. Без веток. Зато с двух сторон прикручены железные крепежи. Лампа не горит, светло на улице. Светло, радостно, все смеются.

В горле у Тимо стало пухло и горячо. В носу уже не пахло лесом. Там налилась соленая капля, сквозь нее не пахнет. Тимо шумно втянул ее в себя.

Он все испортил. Он ошибся.

Дома Тимо рассказал папе на ухо про свою беду.

— Будь выше этого, сын! Любой может совершить оплошность. А впредь — повнимательнее.

Папа хлопнул его по плечу и немного растряс, чтобы в животе распрямились горькие жилочки. Из-за них и пончик с помадкой в рот не лезет.

Легко сказать — будь выше этого. А как это сделать? Это же столб. Выше него только сами деревья.

Перед сном Тимо мечтал, что если за ночь вырастет выше столба, то вот уж похочет. Над всеми с вышины. Вот уж посмотрит, как разбегаются в ужасе эти гадские Коскинен, Яксола и Хака. Да, пожалуй, и училка Улла Сорвари пускай бежит вместе с ними. Нечего было выбирать дурацкое место со столбами! А он бы выдрал столб из земли и ка-ак запустил в них с верхотуры. А сам обнял бы все самые лучшие деревья в лесу.

Жаль, что таких высоких никого на свете нет. Даже папа не смог стать таким высоким. Да и просто натопать ногами на этих гадских одноклассников папа вряд ли смог бы. Тимо представил себе, как папа топает ногами. Не получилось. Папа, топающий ногами, это фантастика. Нет, он не струсит. Просто он какой-то другой. Не из топающих.

Тимо не мог заснуть. Он думал про столб, и стыдился в этом признаться даже самому себе. Вспоминал, как обнимал его в первые минуты и чувствовал себя счастливым. Пока Коскинен, Яксола и Хака не изгадили всё счастье своим ржанием.

Столб, наверное, совершенно незащищен перед холодами. У него даже нет коры. Голая древесина. Нет листьев, которые приятно шуршат, когда ветер. Нет иголок, по которым переливаются капли дождя. Нет корней, которые помогают держаться в непогоду. У него ничего нет.

На следующий день Тимо захватил с собой оранжевый шнурок. Второй давно потерялся. В лесу прогуливались редкие старички с палками для ходьбы. Мама с такими палками тоже уходит на прогулку, когда говорит, что весы, наверное, сломались.

На деревьях остались приметы вчерашней любви. На осине провололочкой был примотан флажок. Среди веток березы застрял воздушный шар с мумитроллем. Кое-где на ветках были повязаны бантики. На повороте у толстой сосны остался веселый плакат, призывающий обнимать деревья. На елках звякали новогодние игрушки.

Тимо подошел к столбу. Постоял рядом. Подождал, не произойдет ли чего. Но ничего не происходило. Тогда дотронулся пальцем. Погладил ладошкой. И наконец обнял столб двумя руками. Прижался. Уткнулся лбом, как вчера.

— Ну и пускай ты не дерево. Мне тебя от этого еще больше обнять хочется. И столб благодарно потеплел в ответ.

— Если бы ты знал, как мне хотелось, чтобы и меня кто-нибудь обнял, — шепнул он. — Я смотрел на то, какими счастливыми становятся соседние березы, сосны и даже елки, эти недотроги. Я и мечтать не смел, что и меня кто-нибудь обнимет. Разве что из жалости.

— И ничего не из жалости. Просто мне показалось, что ты мне подходишь. Мне удобно с тобой. Я как тебя увидел, так сразу и подскочил — помнишь?

Теперь не брошу тебя.

И Тимо торжественно повязал на столб оранжевый шнурок.

С тех пор он бегал к столбу каждый день. От школы километр, он засекал в приложении на смартфоне. Туда-обратно два километра, отличная прогулка. Когда долго не было дождей, он поливал столб водой из бутылки.

Рассказывал ему про свои успехи и неудачи. Про флорбол и лыжи. Про то, как бабушка учила его обниматься – крепче крепкого. А иначе и обниматься не стоит. Ему так этого не хватало. Бабушка обнимала его так сильно, что он ощущал себя всего. Ощущал, что он существует на свете. Бабушка отправилась в Лапландию ухаживать за летучими оленями Йоулупукки. Вот уже год она присматривает за ними. И Тимо обнимал столб крепче крепкого, как умела только она, бабушка. Иногда просто необходимо кого-то обнять крепче крепкого, чтобы почувствовать, что существуешь.

Столб шептал ему, что видел за день. И о том, что тревожило его по ночам. Однажды дядьки ковыряли его железными крючками и щипцами, и столб плакал, потому что ему было больно, как если бы ему чинили зубы. Тимо утешал его, гладил по шершавой холодной спине. Он вычитал, что есть такие тетки, которые любят вязать разноцветные пледы для деревьев и столбов и раздумывал, где бы познакомиться с такой. А пока он накрутил на столб свой второй шарф из кусачей шерсти.

А весной все увидели, что на столбе появился росток.

— Ты знаешь, что у тебя скоро появится веточка? Наверное, с настоящими листьями. Или с иголками. Тогда мы узнаем, из какого дерева ты создан, - сказал Тимо столбу.

И они стали ждать, когда на ростке развернутся листья. Гадали, перебирая разные названия.

— Может быть, я рябина? – мечтательно спрашивал столб.

— Для рябины ты толстоват, - с сомнением качал головой Тимо.

— Толстая рябина имеет право на счастье.

— Конечно, имеет. Просто я имел в виду, что ты не похож на рябину.

— На дуб я тоже не похож.

— Не все же быть дубами.

За этими упоительными разговорами, пытаясь разгадать тайну, они провели много часов. И вот почка проклюнулась. Из нее вылез цветок шиповника.

— Это же чудо! Как это могло получиться? – шептались все, кто проходил мимо.

А гадские Коскинен, Яксола и Хака пытались допрыгнуть, чтобы сорвать цветок. Да где им. Училка Улла Сорвари сказала, что столб, вероятно, сделан из древесной стружки. И вероятно, он такой старый, что в нем образовалась щелочка, в которую занесло семечко шиповника. И вероятно, семечко нашло для себя отличную питательную среду, раз решило выпустить корни и стать растением.

— Не слушай никого, - сказал папа, когда они вместе с Тимо пришли посмотреть на шиповник. - Столб вырастил цветок, потому что он теперь не один. У него есть ты.

Папа тоже умеет неплохо обнимать. Крепче крепкого. Не хуже бабушки.